

УДК 340.1
ББК 67.072

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

М.Н. Козюк

В статье рассматриваются проблемные вопросы соотношения понятий правотворческого процесса. Предложены пути дальнейшего развития теории юридической техники.

Ключевые слова: *понятие права; норма права; правотворчество; законотворчество; юридическая техника.*

Общая теория правотворчества развивается в рамках теории государства и права как одна из ее проблем. Однако в связи со своим бурным развитием она уже давно переросла эти рамки и нередко претендует на самостоятельный статус. Так, в недавно вышедшем коллективном труде «Нормография» его авторы заявляют: «объективно существует необходимость включения в программы юридических вузов и факультетов изучения курса нормографии, курса прикладного, вспомогательного характера для общей теории права и государства с целью подготовки высококвалифицированных нормодателей, специалистов по разработке проектов нормативных актов и нормативных договоров, способных правильно выбрать нужную форму нормативного акта и грамотно его построить, чтобы нормативные акты не были противоречивыми, а соответствовали международным стандартам в области прав и свобод человека и гражданина, российскому законодательству, чтобы в них не было противопоставления формы и содержания, не было нарушений правил и средств юридической техники» [13, с. 21]. Идея построения курса нормографии, прямо скажем, не нова. В свое время подобные идеи предлагал А.А. Ушаков [16, с. 59]. Довольно большое движение в юридической науке и образовании происходит в связи с развитием проблемы юридической техники. В 2007 г. вышел объемный учебник Т.В. Кашаниной «Юридическая техника», содержащий не только учебный

текст, но и методические разработки по курсу. О месте совокупности знаний о приемах и способах создания правовых актов в системе юридических наук идут споры. Например, В.М. Сырых утверждает, что юридическая техника вообще не является частью теории права, а стала самостоятельной отраслью юридических знаний, имеющих прикладной характер, такой как криминалистика. Это мнение не бесспорно. И здесь дело не в том, что, как утверждают авторы «Нормографии», «общая теория права и государства должна быть не системой абстрактных категорий, а незаменимым помощником для принятия конкретных правовых решений» [13, с. 21]. Общая теория должна быть, прежде всего, системой наиболее общих, абстрактных понятий, однако «нет ничего практичнее, чем хорошая теория». Просто в настоящий момент указанные совокупности знаний в целом «не дотягивают» до самостоятельной научной отрасли. Как это ни странно, им не хватает именно «теоретичности», то есть методологического оснащения. Например, в учебном пособии «Нормография» не дается понятия собственно нормы. Хотя стремление сделать юридическую технику отраслью юриспруденции похвально, но понятно, что это возможно только за счет расширения ее предмета. Т.В. Кашанина утверждает, что «предметом юридической техники являются наиболее общие закономерности осуществления юридической деятельности» [4, с. 28]. Соответственно, это означает, что методологической или общей частью этой науки будет теория юридической деятельности, а формально-технические проблемы правотворчества отойдут на второй план. Одна-

ко на самом деле о юридической деятельности говорится всего на двух с половиной страницах этого объемного труда, при этом существуют специальные работы, развивающие теорию юридической деятельности [17].

Есть хорошие радио- и телемастера, как правило, не знающие о сущности радиоволн. Это так называемые прикладники. А есть радио- и телеинженеры, имеющие высшее профессиональное образование и, соответственно, необходимые теоретические знания. Как бы мы в быту ни восторгались золотыми руками мастеров, мы прекрасно понимаем, что развитие средств телекоммуникации связано, прежде всего, с развитием науки и деятельностью инженеров. Это говорит о том, что нельзя останавливаться на прикладных аспектах того или иного знания, да еще в таком виде тиражировать его в учебном процессе. Сложившаяся отрасль науки – это единство теоретического и практического, причем теоретическое начинается с высоких философских категорий. Именно такой подход позволил вывести криминалистику из простой суммы прикладных знаний и умений на уровень теории (хотя бы, как сейчас принято классифицировать, «теории среднего уровня»). Такая же работа должна быть выполнена и в отношении юридической техники (законографии, нормографии и т. д.). Пока эта сумма знаний является частью общей теории права, то теория права как раз и выполняет эту общеметодологическую функцию. Если же эту связь разорвать, то совокупность практических, а зачастую бюрократических, канцелярских способов и приемов станет простой частью подготовки делопроизводителей аппаратных служб.

Чтобы не быть голословным в части таких жестких оценок состояния упомянутых выше отраслей и учебных курсов, рассмотрим основополагающие понятия, отражающие предмет их исследования. Речь идет о трех ключевых понятиях: нормотворчество, правотворчество и законотворчество. В параграфе «Понятие нормотворчества» учебного пособия «Нормография» хорошо освещена только вторая часть этого понятия, а именно «творчество». А вот понятие нормы обойдено молчанием. Кроме того, даже в резюме параграфа видны противоречия. Авторы пишут: «Нормотворчество – это прежде всего определенная форма государственной деятельности, направленная на создание, допол-

нение и отмену норм права, – и тут же дополняют, – хотя нормотворческие функции осуществляют органы местного самоуправления, а также различные учреждения и организации» [13, с. 36]. Добавим, что не только различные учреждения и организации создают нормы, но и сам народ, например на референдуме. Однако это не исправляет авторской ошибки. Все дело в том, что здесь дано определение не нормотворчества, а правотворчества, или, если точнее, правового нормотворчества. Авторы пособия, и они в этом отнюдь не первые и единственные, отождествили правовое нормотворчество с нормотворчеством вообще, и в этом заключается одна из главных методологических ошибок. Отсюда и иные ошибки. Например, утверждение, что «главной функцией нормотворчества является создание нормативных актов» [там же, с. 21]. На самом деле главной функцией нормотворчества является регулирование общественных отношений с целью разрешения социальных проблем. Утверждать, что главной функцией нормотворчества является создание нормативных актов, это примерно то же самое, что правительство существует для того, чтобы издавать постановления.

В своем фундаментальном труде «Социальные основания права» профессор Г.В. Мальцев пишет: «Подобно тому, как математики могут оперировать числами, не углубляясь в суть понятия числа, юристы способны заниматься нормами, руководствуясь самым общим представлением о них. Большого вреда, наверное, в этом нет, поскольку ориентированная на повседневность практика, если она имеет рациональные цели, может в известных пределах и на определенный срок стать независимой от теории, тем более глубокой теории. Но когда такие периоды затягиваются, они, как правило, заканчиваются печально» [9, с. 513]. В чем же значимость понятия нормы, если ее выводят на уровень краеугольных камней юриспруденции? Вообще нормативность – это один из интегрирующих критериев социальности. «В общественной жизни исторически возникают, действуют и развиваются нормативно-регулятивные системы, представляющие собой мощное единство идей, норм и общественных отношений в целях консолидации общества, обеспечения согласия между его членами и согласованности

их действий» [9, с. 514]. Нормативность зародилась вместе с социальностью и представляет собой довольно разнообразный букет видов и форм. Как отмечал В.С. Нерсисянц, «появление социальных норм и нормативного типа регуляции связано с переходом от животной стадности к человеческому обществу, с процессом социализации и рационализации человеческих отношений и в целом поведения человека как особого природно-биологического и вместе с тем общественного существа» [12, с. 5]. Причем нужно особо отметить, что в процессе социогенеза и нормогенеза коллективное явно доминирует над индивидуальным, обеспечивая выживание социальности в борьбе против естественной стихии.

По мнению Е.А. Лукашовой, «объективные социальные нормы – это повторяющиеся и устойчивые социальные связи, возникающие в процессе социальной деятельности людей по обмену материальными и духовными благами и выражающие потребность социальных систем в саморегуляции» [6, с. 15]. Н.Н. Вопленко дает более развернутое определение социальных норм. «Социальные нормы есть исторически сложившиеся или сознательно установленные в различных сферах общественной жизни образцы, идеалы, эталоны и конкретные правила, содержащие в себе предписания и оценку общественно значимого поведения, выступающие в виде меры социально полезного поведения людей» [2, с. 9]. Вообще в основе социальной нормы лежит объективная потребность в упорядочивании поведения субъектов. Эта объективная потребность не только не утратила своей силы и значения в настоящее время, а скорее, многократно усилилась. Другое дело, что изменились виды и формы норм, какие-то остались на периферии социальности, а какие-то в связи с развитием технических сторон цивилизации и в силу развития объективных потребностей и возможностей стали основными.

Следует еще раз подчеркнуть основную мысль, которую хорошо выразила Л.О. Мурашко, когда писала: «нормативность социального бытия человека – условие функционирования всей социальной системы, поскольку базируется на естественных законах природы и общества, закономерностях и тенденциях, складывающихся из стихийного регулирования естественного процесса» [11, с. 83]. Как правило,

эти условия современной цивилизации, технические новшества затушевывают социальную природу, назначение и ценность нормы. И политико-правовые учреждения, парламенты и правительства выступают уже не в виде социальных институтов, нацеленных на выполнение сверхзадач существования общества, а в виде бюрократических «контор», плодящих умозрительные решения в форме указаний для населения. Поэтому одна из целей исследования проблем нормотворчества в государственном управлении заключается в том, чтобы вернуть этой деятельности тот социальный смысл, который входит в ее сущность, но не виден в процессе поверхностных интерпретаций.

Таким образом, под нормотворчеством понимается не сугубо юридическая деятельность, а, скорее, деятельность по социальному управлению, поскольку социальные предписания принимают форму не только правовых, но и моральных, политических, религиозных и т. п. норм. Общепринятая в последнее время манера говорить о нормотворчестве в сугубо правовом смысле как минимум терминологически неверна. В таких случаях речь должна вестись о правотворчестве. Конвенционально под правотворчеством обычно понимают формальные процедуры подготовки и издания нормативных правовых актов. Однако здесь многое требует уточнения. Во-первых, уже неверно такое классическое советское определение правотворчества: «Правотворчество как особая форма или вид деятельности государства состоит в установлении, а также изменении и отмене правовых норм» [15, с. 29]. Как уже отмечалось, под субъектами правотворчества в настоящее время выступает не только государство. Во-вторых, необходимо все же прояснить вопрос: являются ли правовыми акты, имеющие правоприменительный характер? Известно, что социальное регулирование может осуществляться двумя способами: нормативным и индивидуальным (казуальным). Поэтому сложно отказать в правовом характере официальным актам с индивидуальным правоприменительным содержанием, тем же решениям судебных инстанций [10, с. 395–444]. Вероятно, следует вести речь о том, что в массиве правовых актов есть нормативные правовые акты, а правотворчество отнюдь не ограни-

чивается только принятием нормативных актов. Таким образом, правотворчество – это деятельность по принятию, изменению и отмене правовых актов, регулирующих поведение людей нормативным или индивидуальным способом. Понимание же правотворчества только как процедуры создания правовых норм исходит из общепринятой «узкой» трактовки права как системы формально-определенных правил поведения – «норм», установленных государственной властью, то есть законодательства. Если иметь в виду более широкую и современную трактовку правовой сферы как совокупности законодательства, судебных актов, правосознания, правоотношения и иных явлений, связанных с правовым способом регулирования поведения, то понятие правотворчества становится более объемным и одновременно глубоким, помогающим постигать глубинные структуры социума.

Конечно, можно возразить, что принятие правоприменительных актов не имеет творческого характера, а обычно строится по шаблону. К УПК РФ даже прилагаются формы процессуальных документов, для того чтобы все правоприменители действовали одинаково. Однако такие доводы будут неубедительны, поскольку сложные правоприменительные акты требуют не меньших творческих усилий, чем создание закона, например в решения Конституционного Суда вложено не меньше творческой энергии, чем в те законы, которые подвергаются проверке. Вообще понятие творчества не является юридическим, и в некоторой степени его использование в юридической терминологии – своего рода дань метафоричности языковых средств. Одним из частных случаев правотворчества является как раз законотворчество, специфическая деятельность по принятию правовых актов, содержащих нормы высшей юридической силы, то есть законов. Впрочем, в виде исключений встречаются и законы, не содержащие норм права, а устанавливающие решение парламента по конкретному делу.

Данный вопрос о соотношении нормотворчества и правотворчества имеет еще один ракурс. Дело в том, что даже нормативные правовые акты наполнены отнюдь не только нормами права, имеющими классическую струк-

туру. Так, в Конституции есть достаточно много положений, закрепляющих принципы права, определения основных понятий, указания на цели норм, правовые декларации и т. п. В литературе высказывалось мнение, что это не нормы в собственном смысле слова, поскольку лишены регулятивного характера. С таким подходом категорически не согласен В.О. Лучин: «наличие в конституции общих положений, принципов, дефиниций не только не лишает ее нормативности, но напротив, свидетельствует о более широком использовании в ней свойства нормативности» [7, с. 10]. Он справедливо считает, что все указанные выше правовые предписания участвуют в регулировании общественных отношений, поэтому обладают свойством нормативности. Такой подход, вполне возможно, следует поддерживать, когда речь идет о Конституции, поскольку Конституция представляет собой кодифицированный закон высшей юридической силы. Вместе с тем Правительство принимает правовые акты, насыщенные специфическими предписаниями, носящими организационный и технический характер. Такие положения, кстати, есть и в Конституции России, например в ст. 95: «Федеральное Собрание состоит из двух палат – Совета Федерации и Государственной Думы». Имеют ли они нормативный характер, поскольку не отвечают дефинитивным требованиям к правовой норме (предоставление прав или наложение обязанностей)? В.О. Лучин констатирует: «В условиях современного развития права происходит изменение содержания нормативности. В структуре права возрастает число обобщающих положений, которые как таковые, то есть взятые изолированно, лишены признаков нормы в традиционном их понимании» [7, с. 9]. Вместе с тем следует задать вопрос: до какого предела норма может видоизменяться, чтобы перестать быть собственно нормой? Или, другими словами, не размывает ли понятие нормативности признание нормами всего того, что содержится в правовых актах? Представляется, что данная проблема должна иметь свое принципиальное решение. Лучше всего все же различать социальные и правовые нормы, и тогда не придется признавать таблицу умножения нормой права на том основании, что при ее помощи составляется государственный бюджет, ведь закон о бюджете – это тоже правовой акт. Есть еще один аспект проблемы. Например, о

таком предписании, как правовая цель, в монографии «Цели и средства в праве и правовой политике» А.В. Малько и К.В. Шундилов пишут, что «в российском законодательстве провозглашено немало приоритетов и задач, однако отсутствие в ряде случаев конкретных юридических механизмов и условий для их реализации обесценивает правовые цели, превращает их в пустые декларации, в благие пожелания государства» [8, с. 16]. Обладают ли такие цели свойством нормативности или это всего лишь изыски политической литературы?

Интересно, что смешение нормотворчества и правотворчества имеет давнюю историю. В своей работе «Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи», написанной в эмиграции, известный русский ученый-евразиец Н.Н. Алексеев отмечал, что «современная юридическая теория, за редкими исключениями, не отличает правоустановления от норм и смешивает их в одно целое. Делается это в том предположении, что и нормы, и правоустановления одинаково являются правилами, регулирующими социальную жизнь. Следовательно, норма (как правило) есть высшее понятие, обнимающее собою и правоустановления, которые являются только видом этих норм. При этом упускают из вида, что хотя правоустановления и можно в известном смысле назвать правилами социального регулирования, однако эти правила и по содержанию своему, и по своим функциям существенно отличаются от тех правил, которые устанавливают должное и могут быть названы нормами в точном смысле этого слова» [1, с. 508]. Ученый отстаивает особый подход к соотношению нормы и права, который в то время был достаточно популярен и имел таких видных сторонников, как, например, Л.И. Петражицкий. Он считает, что норма – это всегда ограничение свободы человека, поскольку она предписывает определенный порядок действий, чем связывает субъектов права. Право же предоставляет определенную возможность действовать (или не действовать) в зависимости от усмотрения лица. То есть в данном случае речь идет, в современной терминологии, о субъективном праве. Вместе с тем вопрос ставился более глубоко: все ли нормы, устанавливаемые государством, становятся правовыми? Н.Н. Алек-

сеев отмечает, что в русском правоведении имеются глубокие и прочно установившиеся традиции, которые противоречат и формальной теории права, и отождествлению правового регулирования с социальным регулированием вообще и государственным порядком в частности [1, с. 496]. Проведя необходимый анализ, он отвечает на поставленный вопрос следующим образом: «Очевидно, что не момент “издания” государством, “истечения” из государства или “признания” государством превращает технические, хозяйственные, условные, нравственные и другие нормы в “правовые” – такое “превращение” было бы каким-то непонятным фокусом, а момент отнесенности различных актов нормоустановления к актам правоустановления позволяет считать подлежащие нормы правовыми» [там же, с. 521].

После уточнения этих основных понятий теории права можно проанализировать вопрос об их соотношении. Как видно, понятие нормотворчества шире понятия правотворчества, поскольку отражает и иные формы социальной нормативности. Другими словами, нормотворчество возможно и за пределами права. С другой стороны, правотворчество, поскольку речь идет не только о нормах, также не в полном объеме входит в понятие нормотворчества. Таким образом, логически эти понятия находятся друг к другу в условиях частичного пересечения, и область пересечения будет называться нормативным правотворчеством, в результате которого, собственно, и появляются нормативные правовые акты, содержащие правовые нормы.

Здесь следует обратить внимание на тот факт, что когда мы говорим, например, о нормотворчестве Правительства РФ, то, исходя из общего понятия нормотворчества, мы должны рассмотреть не только феномен правового нормотворчества, но и проблему создания им иных видов социальных норм. И здесь, очевидно, возможности для творческой деятельности Правительства как органа государственной власти есть. Так, Правительство способно создавать политические нормы. Кроме того, существуют такие разновидности социальной нормативности, как деловые обыкновения и организационные нормы. Как пишет С.Е. Нарышкин, «сложившаяся практика принятия коллегиальных решений Правительством показывает, что голосование на заседаниях проводится редко. Как

правило, достаточно, чтобы никто из членов Правительства не возражал против предложенного решения по соответствующему вопросу, внесенному в повестку дня заседания» [14, с. 431]. Важны ли эти организационные нормы? Конечно, важны, ведь речь идет о принятии решений, затрагивающих интересы всей страны. Отражают ли они специфику Правительства? Конечно, отражают, ведь Правительство, как и парламент, являются коллегиальными органами, но ведь в парламенте к процедуре голосования относятся более щепетильно. Согласно законодательству каждый член Правительства имеет именно «решающий» голос, низведение же его до уровня «кивал» (термин, применявшийся в советский период в отношении народных заседателей, которые не могли возразить профессиональному судье) не только не украшает орган государственной власти, но может и существенно повлиять на принятие решений, которые по общему правилу готовят для себя заинтересованные лица.

Вообще учение о социальности, или социальной основе норм, способно оживить теорию права, в том числе и ее отдельные институты, особенно те, которые гипертрофируют представления о формальном характере права. Соответственно, такой же неформальный «живой» характер оно способно оказать и на теорию государства, придав системе государственных органов социальный смысл. Марксистский подход к государственности является разновидностью анархических представлений, поскольку трактует государственность как тотальное отчуждение. Враждебность теоретических представлений о государственности не преодолена и в современной юриспруденции. Конечно, госаппарат бывает враждебен обществу, а государство выступает «машиной по подавлению...», точно так же как топор может быть в руках лесоруба орудием производства, а в руках Раскольникова орудием убийства. В любом случае инстинкт госаппарата – сохранение государственности, стабильности, общественной упорядоченности. Здесь ярким примером может служить отечественная история последних десятилетий, когда страна была сохранена не усилиями центральной власти или структур гражданского общества в виде политических партий, а в ходе рутинной работы и здравого смысла чиновничьего аппарата, принимающего и выполняюще-

го решения, направленные на сохранение государственности, иногда даже вопреки воле руководящих политических сил. Приходится констатировать, что долгое время проблемы государственности обходились молчанием в исследовательской среде. Здесь превалировали два подхода: или пели «осанну» несуществующему правовому государству или нещадно порочили реально существующее. Только в последнее время наука стала более пристально вглядываться в эту проблематику, пытаясь начать с определения предмета своего интереса. Так, В.А. Затонский пишет: «Государство – это единственная суверенная организация политической власти определенных социальных сил, управляющих обществом при помощи аппарата управления и принуждения, посредством правовых актов и закрепленных в них норм, а также прямого администрирования, обеспечивающая условия для активной части населения участвовать в формировании и осуществлении властных велений, направленных на преимущественное осуществление как общесоциальных, так и конкретных классовых и иных групповых, национальных, религиозных и других интересов в пределах определенной территории» [3, с. 63]. Данное определение государства процитировано не потому, что оно бесспорно, а только для того, чтобы показать, что движение к реалистическому пониманию государственности во всех ее проявлениях, вероятно, потеснит всякие идеологические «химеры», так долго процветающие в государственном управлении.

Очень важен вопрос об отраслевой принадлежности предмета исследования. Как уже отмечалось, в основном теория юридической техники разрабатывается в рамках общей теории права. Это приводит к определенной абстрактности знаний и выводов. Определенную жизненную энергию ей может придать активное сотрудничество с основными отраслями права, и на первом месте здесь, бесспорно, стоит конституционное право. Ведь именно в предмет конституционного права входит изучение деятельности высших органов государственной власти, в том числе процессы принятия нормативных правовых актов. По мнению академика О.Е. Кутафина, в предмет конституционного права входят «отношения, касающиеся основных принципов системы органов исполнительной и судебной власти, а

также органов местного самоуправления, определяют виды органов исполнительной и судебной власти, правовой статус этих органов, порядок их образования, компетенцию, формы деятельности, издаваемые ими акты, систему органов местного самоуправления. Эти отношения являются определяющими для обеспечения управления обществом, основанного на четкой согласованности всех организационных структур, участвующих в реализации властных функций по управлению обществом» [5, с. 26–27]. Поэтому исследования особенностей нормотворчества тех или иных органов государственной власти Российской Федерации может проводиться только в рамках конституционного права с опорой, разумеется, на общетеоретические достижения. Но как считает И.И. Шувалов, и с его мнением следует согласиться, «в науке конституционного права до сих пор отсутствует комплексное исследование по проблемам правотворчества, которое ориентировалось бы на различные методологические подходы (не только на позитивистский), на повышение эффективности правотворческой деятельности, охватывало различные субъекты и уровни правотворческого процесса» [18, с. 17–18].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, Н. Н. Русский народ и государство / Н. Н. Алексеев. – М. : АГРАФ, 1998. – 640 с.
2. Вопленко, Н. Н. Право в системе социальных норм / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. – 86 с.
3. Затонский, В. А. Эффективная государственность / В. А. Затонский. – М. : Юристъ, 2006. – 286 с.
4. Кашанина, Т. В. Юридическая техника : учебник / Т. В. Кашанина. – М. : Эксмо, 2007. – 512 с.
5. Кутафин, О. Е. Предмет конституционного права / О. Е. Кутафин. – М. : Юристъ, 2001. – 444 с.
6. Лукашова, Е. А. Право, мораль, личность / Е. А. Лукашова. – М. : Наука, 1986. – 282 с.
7. Лучин, В. О. Конституционные нормы и отношения / В. О. Лучин. – М. : Закон и право : ЮНИТИ, 1997. – 159 с.
8. Малько, А. В. Цели и средства в праве и правовой политике / А. В. Малько, К. В. Шундилов. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. – 296 с.
9. Мальцев, Г. В. Социальные основания права / Г. В. Мальцев. – М. : Изд-во СГУ, 2007. – 800 с.
10. Марченко, М. Н. Судебное правотворчество и судебское право / М. Н. Марченко. – М. : Велби : Проспект, 2007. – 512 с.
11. Мурашко, Л. О. Начальные виды социальной нормативности / Л. О. Мурашко // Журнал российского права. – 2002. – № 2. – С. 83.
12. Нерсесянц, В. С. Право в системе социальной регуляции / В. С. Нерсесянц. – М. : Знание, 1986. – 64 с.
13. Нормография: теория и методология нормотворчества : учеб.-метод. пособие / под ред. д-ра юрид. наук Ю. Г. Арзамасова. – М. : Академический проект : Трикста, 2007. – 255 с.
14. Правительство Российской Федерации / под ред. Т. Я. Хабриевой. – М. : Норма, 2005. – 608 с.
15. Правотворчество в СССР / под ред. А. В. Мицкевича. – М. : Юрид. лит., 1974. – 320 с.
16. Ушаков, А. А. О законографии как науке о правотворчестве / А. А. Ушаков // Государство, право, законность : учен. зап. – Вып. 5. – Пермь, 1974. – С. 59.
17. Шагиев, Б. В. Юридическая деятельность в современном российском обществе (теоретико-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук / Б. В. Шагиев. – М., 2002. – 140 с.
18. Шувалов, И. И. Теория законоотворчества / И. И. Шувалов. – М. : Норма, 2006. – 208 с.

THE BASIC CONCEPTS OF LEGAL TECHNIQUE

M.N. Kozyuk

The author dwells on the disputable issues of a parity of lawmaking process concepts and offers the ways of the further development of the theory of legal technique.

Key words: *concept of the law; rule of law; to rule the law; lawmaking; legal technique.*